

УДК 82

ОТСУТСТВУЮЩИЙ ОБРАЗ: ПЕТЕРБУРГ В СТИХОТВОРЕНИИ И. БРОДСКОГО «Я РОДИЛСЯ И ВЫРОС В БАЛТИЙСКИХ БОЛОТАХ, ПОДЛЕ...»

© 2013 г.

К.С. Соколов

Владимирский госуниверситет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

kirill.sokolov@fulbrightmail.org

Поступила в редакцию 10.12.2012

Стихотворение «Я родился и вырос в балтийских болотах, подле...» рассматривается в контексте эволюции «петербургской темы» в творчестве Бродского. Интерпретируется отсутствие явных отсылок к образу родного города в этом стихотворении.

Ключевые слова: Бродский, цикл «Часть речи», Петербург, поэтическая авторрепрезентация.

Когда-то, размышляя о поэтическом сюжете, Ю.М. Лотман обратил внимание на парадоксальное несоответствие обстоятельств пушкинской биографии начала 1820-х годов с автобиографическим мифом о поэте как добровольном беглеце («изгнаннике добровольном»), воплощенном в его южных стихотворениях и поэмах [1, с. 107–109]. Мысль о типологическом (но не функциональном) сходстве поэтического сюжета с мифом представляется продуктивной для рассмотрения еще одного, пока обойденного вниманием исследователей, парадокса. Речь идет о присутствии Ленинграда/Петербурга в автобиографическом поэтическом сюжете Бродского. Представление о Петербурге как неотъемлемом элементе творческой биографии поэта давно стало общим местом и даже концептуальной основой целого ряда по большей части спекулятивных работ о поэтике Бродского. Среди счастливых исключений можно назвать монографию М. Кёненен [2], но и здесь ключевая «метафора Петербурга/Ленинграда» получает слишком расширительное, расходящееся с реальной «топографией» толкование. Между тем очевидно, что собственно «петербургская мифология» Бродского возникает из довольно ограниченного ряда по большей части ранних произведений поэта, не вошедших в составленный им самим канонический корпус. Действительно, таким важнейшим текстам, как «Стансы» (*Ни страны, ни погоста / не хочу выibirать*), «Стансы городу» (*Да не будет дано / умереть мне вдали от тебя*), «Набережная р. Пряжки» и ряду других, не нашлось места в составленных самим автором книгах. На это обращает внимание Л. Лосев, который в «Опыте литературной биографии» замечает, что «среди стихов зрелого Бродского, то есть начи-

ная с книги «Остановка в пустыне», всего в четырех реалии Ленинграда играют существенную роль: «От окраины к центру» (*ОВИ*), цикл «С февраля по апрель» (*КИТЭ*), «Похороны Бобо» (*ЧР*) и «Полдень в комнате» (*У*)» [3, с. 207–208]. В этот ряд, хотя и с некоторыми оговорками, можно было бы добавить «Прачечный мост» и «Почти элегию» (*ОВИ*), но, например, не позднее (1994) мемуарное «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки...» (*ПСН*), где петербургский «субстрат» неразличим за общими реалиями советского быта 1950-х годов, и не «Декабрь во Флоренции» (*ЧР*), где родной город лишь угадывается в подтексте урбанистической фантазии в духе Одена. Такое редуцирование петербургской темы можно было бы объяснить обстоятельствами биографии поэта. Действительно, литературная топография Бродского совпадает с реальной: к примеру, «Лагуна» начата во время первого путешествия в Венецию, «Темза в Челси» написана, соответственно, в Челси, а «Гуэрнавака» – чуть ли не в доме Октавио Паса в Куэрнаваке и т.д. Казалось бы, отсутствие поэта в родном городе должно объяснять и отсутствие соответствующей темы в его творчестве. Однако образ Ленинграда/Петербурга «исчезает» из стихотворений Бродского, но присутствует в его эссе. В этой связи показательно сравнение двух важнейших автобиографических текстов: датированного днем собственного сорокалетия стихотворения «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» и эссе, написанного четырьмя годами ранее и давшего название первой прозаической книге поэта, – «Less Than One». В заключительной части эссе описание города возникает в пронзительном мемуарном контексте: «Жил-был когда-то мальчик. Он жил в самой несправедли-

вой стране на свете. <...> И был город. Самый красивый город на свете. С огромной серой рекой, повисшей над своим глубоким дном, как огромное серое небо – над ней самой. Вдоль реки стояли великолепные дворцы с такими изысканно-прекрасными фасадами, что если мальчик стоял на правом берегу, левый выглядел как отпечаток гигантского моллюска, именуемого цивилизацией, которая перестала существовать» [4, с. 26–27]. В стихотворении же вехами биографии становятся в основном образы, связанные с мотивами скитаний, страдания, жизни на чужбине. На фоне достаточно экзотичной географии (от горного ледника до степей, *помявших вопли гунна*) образ родного города показательно отсутствует. «Жил у моря» в этом контексте вызывает скорее романтические ассоциации, а не Балтику. Строку «Из забывших меня можно составить город» также трудно соотносить именно с Ленинградом/Петербургом.

Такое одновременное отсутствие/присутствие образа в двух параллельных сюжетных рядах, по-видимому, расширяет проблему и ставит более общий вопрос о принципах самоидентификации в поэтике Бродского. Редукция же петербургской темы в его автобиографическом поэтическом дискурсе может быть осмыслена с двух взаимодополняющих позиций. Поэтическая «зрелость» Бродского, на которую обращает внимание Лосев, говоря об интересующей нас особенности его поэзии, предполагает более осознанное отношение к традиции и, в частности, к традиции поэзии о Петербурге, для которой, по наблюдениям Р.Д. Тименчика, уже в начале XX века характерны «усталость темы», «буксующая тавтологичность» и «как бы предсмертный износ»: «Поэтическое сочинение на тему "Мой город" должно поэтому вырабатывать тактику обновления риторики, для какового обновления литература знает несколько путей – заимствование из соседних словесных рядов, смена образа автора..., удвоение банальности как средство преодоления ее и т. д.» [5]. Сам Бродский нигде не говорит об «изношенности» темы, но предлагает свой взгляд на петербургскую поэтику, утверждая своего рода изоморфизм города, поэтического высказывания о нем и автора этого высказывания: «Если уж говорить серьезно, петербургский пейзаж классицистичен настолько, что становится как бы адекватным психическому состоянию человека, его психологическим реакциям. То есть, по крайней мере, автору его реакция может казаться адекватной. Это какой-то ритм, вполне осознаваемый. Даже, может быть, естественный биологический ритм» [6, с. 170]. Лосев развива-

ет эту мысль: «Зачем писать стихи о Петербурге, если этот город имплицитно присутствует во всем, что ты пишешь? <...> Природные краски, свет и тени, архитектурные ритмы родного города интегрированы в психику петербуржца и неизбежно определяют самую ткань его стиха...» [3, с. 208], однако свойства этой стихотворной ткани и принципы ее создания остаются за пределами внимания биографа (который и сам является поэтом-петербуржцем). Ключевым текстом, в котором, на наш взгляд, взаимосвязанно реализуются стратегии *обновления* поэтического высказывания и изоморфного *соответствия* автора высказыванию и предмету высказывания является седьмое стихотворение из цикла «Часть речи» (1975–1976):

Я родился и вырос
в балтийских болотах, подле
серых цинковых волн,
всегда набегавших по две,
и отсюда – все рифмы,
отсюда тот блеклый голос,
вьющийся между ними, как мокрый волос,
если вьется вообще. Облокотясь на локоть,
раковина ушная в них различит не рокот,
но хлопки полотна, ставень,
ладоней, чайник,
кипящий на керосинке, максимум –
крики чаек.

В этих плоских краях
то и хранит от фальши
сердце, что скрыться негде и видно дальше.

Это только для звука пространство всегда помеха:

глаз не посетует на недостаток эха.

[7, с. 365]

Автобиографическое начало стихотворения (*Я родился и вырос...*) должно, казалось бы, автоматически вводить петербургскую тему, но вместо города возникают болота и серые волны. Впрочем, нарушенное ожидание быстро находит нужный контекст: начало «Медного всадника» с характерной пустынностью и безвидностью. Однако Бродский не следует за Пушкиным. Волны, набегающие по две, выглядят поэтическим произволом по отношению к реальности, но в следующей строке возникает объясняющий референт: «и отсюда – все рифмы, отсюда тот блеклый голос, / вьющийся между ними, как мокрый волос, / если вьется вообще». «Парность» волн, объясняется и, более того, *зависит* от парной рифмы стихотворения. Вместо сотворения города Бродский описывает возникновение собственной поэтики. Текст начинает приобретать антропоморфные черты: волос вьется подобно тому, как голос витий-

стует. Впрочем, Бродский намеренно снижает высокопарность глагола, и голос у него тоже «вьется».

Тенденция к снижению одической риторики подтекста прослеживается и в следующем пассаже. Метонимический сдвиг (*раковина ушная*) сопровождается сдвигом стилистическим: «*хлопки полотна, ставень, ладоней, чайник, / кипящий на керосинке*» занимают место ожидаемых дворцов, оград и мостов. Стилистическое снижение и антипоэтичность образов полемически «размывают» петербургский литературный контекст. Вместо образа города в стихотворении возникает не менее традиционный образ поэта на берегу – певца стихий, но вместо картины морского пейзажа с аккомпанирующим – в духе романтической традиции – роком волн возникает ряд звуковых, а не зрительных образов, разрушающих клише своим подчеркнуто бытовым характером.

В следующих четырех строках происходит переход от звукового ряда к визуальному, описательному, но образ города так и не возникает в стихотворении, локус остается пустынным. Избавившись от клише, Бродский, на первый взгляд, окончательно уходит от петербургской темы в автобиографическом контексте: «*В этих плоских краях то и хранит от фальши / сердце, что скрыться негде и видно дальше*». «Фальшь сердца», пожалуй, еще более сложный образ, чем двойные волны, и может быть прочитан как минимум двояко. Стилистически: «фальшь сердца» может соответствовать ложной риторике; буквально: для сердечника Бродского «фальшь» – это сердечная аритмия, которая преодолевается, во-первых, через обращение к бесконечному ритму волн/рифм моря/стихотворения и, во-вторых, непосредственно размером стихотворения – дольником на основе 4-стопного анапеста, который воспроизводит некоторую ритмическую неравномерность. Стихотворение и поэт оказываются изоморфны друг другу. Сфера этого изоморфизма расширяется в двух заключительных строках стихотво-

рения, которые выглядят как очередная парадоксальная сентенция Бродского. Однако парадоксальность мотива визуального слуха снимается в автоописательном контексте стихотворения. Ключом к сентенции становится заключительное слово: *эхо*, прямо соотносящееся с рифмой через пушкинское стихотворение «Рифма». Слышащий эхо глаз – это глаз, воспринимающий движение волн, подобных рифме в «плоских краях» бумажного листа.

Таким образом в стихотворении совмещаются свойства автора, текста и объекта описания. Переход реальности в текст, в «плоские края» бумажного листа, превращение человека в грамматику и просодию – в «часть речи» – совершается в петербургском локусе, что и становится основным событием «петербургского сюжета» в поэзии «зрелого» Бродского.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПБ, 1996. 848 с.
2. Kōnönen M. Four Ways of Writing the City: St. Petersburg-Leningrad as a Metaphor in the Poetry of Joseph Brodsky. Helsinki: Helsinki Univ. Press, 2003. 340 p.
3. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: Опыт литературной биографии. М.: Молодая гвардия, 2006. 447 с.
4. Сочинения Иосифа Бродского. Том 5. СПб.: Пушкинский фонд, 1999. 376 с.
5. Тименчик Р.Д. Петербург в поэзии русской эмиграции. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/10/tim.html> (дата обращения 30.04.2012). См. также: Тименчик Р.Д. «Поэтика Санкт-Петербурга» эпохи символизма / постсимволизма // Труды по знаковым системам. 18. Учен. зап. Тарт. ун-та, вып. 664. Семиотика города и городской культуры. Тарту: Тартуский гос. ун-т. С. 117–124.
6. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / Вступ. статья Я. Гордина. М.: Издательство Независимая Газета, 1998. 328 с.
7. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 1 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л.В. Лосева. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2011. 656 с.

THE MISSING IMAGE: ST.PETERSBURG IN JOSEPH BRODSKY'S POEM "I WAS BORN AND GREW UP IN THE BALTIC MARSHLAND..."

K.S. Sokolov

The poem "I was born and grew up in the Baltic marshland..." is considered in a context of evolution of the Petersburg theme in Brodsky's poetry. The absence of the evident references to the image of St. Petersburg in the poem is the subject of interpretation.

Keywords: Brodsky, cycle "Part of Speech", St. Petersburg, poetic self-representation.